

Сын врага, комик и беглец. Три штампа на судьбе Савелия Крамарова

«Джентльмены удачи», «Неуловимые мстители», «Друг мой, Колька!», «Иван Васильевич меняет профессию». Среди этих фильмов не будет лишь одного - того, в котором бы он сыграл главную - настоящую - роль. Судьба так и не дала Крамарову такого шанса. Она вообще была неласкова к нему. Наверное, где-то там, наверху, его жизнь была взвешена, проштампована и отложена в другую стопку - стопку тех, кто вынужден бороться. Он боролся. И почти всегда проигрывал. Штамп первый - сын врага. Ему было всего несколько лет от роду, а на нём уже висел ярлык «сын врага народа». Савелий отчаянно рыдал от страха, когда ночью в квартиру вломились мужики из НКВД - искали компромат на его отца, московского адвоката Виктора Крамарова.

Сжечь дом и отыскать верблюда. Как снимали «Джентльменов удачи»?

- Виктора Крамарова арестовали в 1938 году, осудили по статье 58.10-58.11 УК РФ - на 8 лет лишения свободы за участие в меньшевистско-эсерской организации, - рассказывает Инга Лолдашова, старший следователь по особо важным делам Главного следственного управления при ГУВД Красноярского края, подполковник юстиции. - Он был молод, красив, образован, полон честолюбивых надежд, тайно изучал речи знаменитого дореволюционного адвоката Плевако. В Коллегии адвокатов, где служил Крамаров, про него говорили, что он очень талантливый юрист. Правда, председатель Коллегии дважды вызывал его к себе, критикуя за слишком уж рьяную защиту клиентов. Что искренность Крамарова, безусловно, ценна, но власти недовольны. Арест стал для Крамарова-старшего огромным шоком. В 1939 г., после суда, его отправили на лесоповал в один из лагерей Алтайского края. Оставшаяся в Москве супруга Бенедикта и маленький Савелий жили ожиданием встречи. За все те годы, что Бенедикта ждала мужа, она не купила себе ни одной новой вещи - все деньги откладывала на покупку билета до Туруханска, чтобы повидать любимого. Но, съездив на свидание, в Москву Бенедикта вернулась одна: когда срок закончился, Крамаров-старший решил остаться в Сибири. В Москву и другие крупные города СССР ему, бывшему политзэку, путь был закрыт. Он даже подал на развод, чтобы спасти семью от возможных репрессий. Савелий решил поехать к отцу сам - в ближайшие же каникулы. Но не прошло и года, как Виктора Савельевича вновь забрали - шла вторая волна массовых арестов. Он так и умер в ссылке. Уже много позже на имя Савелия Крамарова пришло письмо из КГБ, в котором говорилось, что его отец полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления. Кадр из фильма «Друг мой, Колька». Репродукция. 1961 год. Фото: РИА Новости Штамп второй - комик. В кино Крамаров попал случайно - шёл с занятий в Лесотехническом институте (детям врагов народа позволялось учиться лишь в вузах «второго эшелона»), остановился поглазеть, как снимают кино. И вдруг ассистент режиссёра выдернул его из толпы: «Юноша! Да-да! Вы! Испуг, удивление сыграть сумеете?» Он сумел. В этот момент на судьбе Крамарова был поставлен второй штамп - Короля эпизодов. Его звали в кино часто. Но - только на роли второго плана. - Перед съёмкой одного из эпизодов бенефиса, в котором Крамаров играл главную роль, я, молодой режиссёр с хорошим театральным образованием, - рассказывает теперь уже известный режиссёр Евгений Гинзбург, - начал объяснять Крамарову детали чуть ли не по системе Станиславского. Он сперва меня внимательно слушал, затем заскучал, а в конце концов сказал: «Что ты мне голову морочишь? Я неделю назад вернулся из Праги - снимался в кино. Знаешь, как мы там работали? Вхожу я в павильон, а через него, от стены до стены, на бельевой верёвке - плотненько так - висят мои рожи. Я так улыбнулся, эдак, такую гримасу скорчил... Каждый снимок пронумерован. И режиссёр мне от камеры в мегафон кричит: «Савелий! Номер шесть!» Я вхожу в кадр и строю соответствующую рожу. А ты мне тут - настроение, мизансцена!» И всё же - почему он так прижился в кино? Не только потому, что он такой уж смешной, нелепый со своими косящими глазами. А потому, что люди верили ему безоговорочно - что он такой же, как они. С соседней улицы, из подворотни. Свой. Босаяк. Савелий Крамаров (справа) в роли конвойного в художественном кинофильме «Новые приключения неуловимых мстителей» (режиссер Эдмонд Кеосаян). 1968 год. Фото: РИА Новости Штамп третий - беглец. Зрители его не просто любили - обожали. Когда Крамаров входил в телецентр «Останкино», к примеру, по огромному вестибюлю летел шёпот: «Крамаров идёт!» А милиционер на входе отдавал ему честь. Крамаров был внимателен с поклонниками, раздавал автографы, обязательно спрашивая: «Как вас зовут?» Но потихоньку начал тяготиться своим амплуа - ему было тесно в эпизоде. Хотелось большего. Одиночество стало его привычным состоянием. Шумным компаниям предпочитал вечер дома, с книжкой в руках. Очень следил за своим здоровьем. - У Савелия была великолепная фигура - сложен, как Аполлон: точёное тело, каждая мышца видна, - рассказывает Евгений Гинзбург. - Тело своё он холил и лелеял: никогда не пил кофе - про алкоголь и не говорю! В «Останкино» в перерывах между съёмками мы уходили в бар, набирали бутерброды. А Савелий вынимал термос с травяным чаем, баночку с мёдом, прикрытую сверху белой бумажкой, орехи. Это был его обед. И никакого мяса! Всегда был одет с иголочки: если джинсы, то фирменные, если пиджак, то итальянский. Если машина, то иномарка. Чистота в ней была идеальная - ни соринки. Мои попытки аккуратно покурить в окно

пресекались криком: «Ты с ума сошёл!» Савелий Крамаров (справа) в роли конвойного в художественном кинофильме «Новые приключения неуловимых мстителей» (режиссер Эдмонд Кеосаян). 1968 год. Фото: РИА Новости В начале 80-х Крамаров решился на отчаянный шаг - эмиграцию. «Савелий считал, что в Америке как актёр будет более успешным. Я пытался его отговорить: мол, у них там и своих дурачков хватает. «Не, - говорил он, - дураки везде нужны!» И уехал», - вспоминает режиссёр Александр Митта. Он уехал, пытаясь обмануть Судьбу. Но Америка приняла его с безразличием - так, как принимает миллионы беглецов со всего света. В СССР у Крамарова было всё: первый произведённый здесь цветной телевизор завод отправил ему в подарок. Белоснежный «Фольксваген-жук» ему продали - сопроводив многочисленными заверениями в любви и дружбе - в Управлении делами дипкорпуса. Он ехал на Черноморское побережье отдыхать и был уверен: его поселят там, где он захочет. Здесь он входил в пятёрку главных комиков СССР. Там стал одним из тысячи безымянных актёров. - Мы были с Савелием в очень дружеских отношениях, - говорит художник Михаил Шемякин. - Он был печальным человеком, как и все комики. Мы часто говорили с ним о его эмиграции. Основной причиной отъезда - вынужденного, подчёркивал он, - Савелий называл стремление играть трагические роли. Крамаров считал себя большим драматическим, а где-то и трагическим актёром. Чтобы избавиться от штампа актёра комического, он решился на пластическую операцию, устранить косоглазие, которое придавало ему шарм. Но, лишившись изюминки, он встал в общий актёрский строй. Сказались ещё и языковые проблемы - в солидном возрасте говорить на чужом языке без акцента сложно. А в Голливуде, если у вас акцент, то при всей талантливости и гениальности ничего, кроме эпизодических ролей, вам не дадут. И это ввергало его в ещё более мрачное состояние. Поэтому та болезнь, от которой он умер, возможно и стала результатом этих горестных переживаний. Раднэр Муратов (слева), Георгий Вичин (второй слева) и Савелий Крамаров (третий слева) в фильме «Джентльмены удачи». 1971 год. Фото: РИА Новости ...Крамаров пытался вернуться в Россию в начале 90-х. Даже снимался - у Данелии в «Насте», у Михаила Кокшенова в «Сафари по-русски». - Одну из сцен снимали на Арбате. Милиция с трудом сдерживала толпу, - вспоминает фотограф Игорь Гневашев. - Он раздавал автографы, ему совали подарки. А остальные актёры стояли в сторонке и смотрели на то, как народ ломится к своему любимцу. Он пытался бороться. Сперва - за место в профессии, затем - за жизнь. Но операция не помогла - он умер от рака прямой кишки. Судьба всё же уложила его на лопатки. На его могиле в Америке стоит надгробие, сделанное Михаилом Шемякиным. Гримёрный столик, на нём перемешаны маски - трагические и комические, а из-за театрального занавеса выглядывает Смерть. Шемякин свой замысел объясняет так: «Мне бы хотелось, чтобы Савелию на том свете было приятнее от мысли, что я воспринимал его как трагического актёра».